

пожалуй, только сюжет о Зое Космодемьянской, где пуантом оказывался не подвиг героини, а ее смерть. Иными словами, даже военные нарративы не восполняли отсутствия полноценной фабрики ужасов, характерной для других европейских эстетических практик этого времени.

DOI: 10.31860 / 0131-6095-2019-2-194-203

© С. Г. Маслинская

НАСИЛИЕ И ТРАВМА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1941–1945 ГОДОВ

За последние годы издано большое количество дневников тех, кто во время Второй мировой войны был ребенком.¹ В отличие от воспоминаний, записанных уже после войны,² дневники запечатлели непосредственный отклик детей на военные события. Эти отклики, порой довольно пространные, контрастируют с лаконичным дневником Тани Савичевой, известным свидетельством трагедии блокадного города.

В то же время и краткая запись, и развернутое описание заставляют задуматься о том, как дети войны могли рассказать о своих переживаниях в дневниках, письмах и в непосредственном общении. Можно было бы ожидать увидеть проекции этих переживаний на страницах периодики и в литературе военного времени. Однако, тогда как в газетах и журналах, адресованных взрослым и публиковавших донесения с оккупированных территорий, зафиксированы с той или иной степенью фикциональности многочисленные случаи насилия над советскими детьми со стороны фашистов,³ в той же периодике или литературе детская психологическая травма практически не была представлена.

Так же неполно была показана и реакция взрослых на тяготы и лишения военного времени: советская цензура купировала всякое изображение травматического опыта.⁴

¹ Детская книга войны: Дневники 1941–1945. М., 2015; Ленинградцы: блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014; Мухина Е. В. «...Сохрани мою печальную историю...»: блокадный дневник Лены Мухиной. СПб., 2011; Военный дневник Тани Вассоевич, 22 июня 1941 — 1 июня 1945. СПб., 2015.

² Оккупированное детство: Воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать / Сост. Н. Поболь, П. Полян. М., 2010; Воспоминания детей военного Сталинграда. М., 2010; Мы родом из войны: Дети военного Сталинграда вспоминают. Волгоград, 2004; Войной украденное детство (спешим сказать — пока мы живы): Сб. воспоминаний. СПб., 2011, и др. Одно из последних исследований, посвященных изучению эффектов войны на материале детских воспоминаний, содержащее в том числе и обширную библиографию по теме, см.: *Leingang O. Sowjetische Kindheit im Zweiten Weltkrieg. Generationsentwürfe im Kontext nationaler Erinnerungskultur.* Heidelberg, 2014.

³ См. об этом в статье О. Ворониной, посвященной изображению детей в газете «Правда»: *Voronina O. Sons and Daughters of the Regiment: The Representation of WWII Child Hero in the Soviet Media and Children's Literature of the 1940s // Filoteknos: Children's Literature — Cultural Mediation — Anthropology of Childhood.* Wrocław, 2018. Vol. 8: Russian and East European War Childhood / Ed. L. Rudova and D. Michułka. P. 13–33.

⁴ При этом в исследованиях, обращенных к анализу поэзии военного времени, отмечены тенденции, которые демонстрируют попытки преодоления этого запрета: в поэзию прорывалось изображение эмоционально дискомфортного, сферы приватного, в том числе переживания смерти (см.: *Кукулин И. В. 1) Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Память о войне 60 лет спустя. Россия. Германия. Европа. М., 2005. С. 617–658; 2) Советская поэзия о Второй мировой войне: риторика скрытой амальгамы // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм / Ред. и сост. О. В. Будницкий*

И. В. Кукулин на материале литературы, адресованной взрослым, продемонстрировал, «какие эстетические методы рефлексии и компенсации коллективной травмы возникли в русской поэзии во время войны»,⁵ выявив их истоки в предвоенном десятилетии.

Наша задача заключается в том, чтобы продолжить исследование способов изображения детской травмы в литературе, адресованной детям и написанной с июня 1941-го по май 1945 года.⁶ Таким образом, основные вопросы предлагаемой статьи таковы: как изображалось насилие в детской литературе? Какой спектр детских переживаний, спровоцированных насилием, был допущен в детскую литературу? Как показана, если показана, травма?

* * *

Если принять во внимание жанровые особенности текстов в тот или иной период войны, то можно обнаружить, что в зависимости от характера военных действий (оборонительные/наступательные) менялись и модальность повествования, и пристрастие к тем или иным сюжетам, и топики. В конечном счете особенности изображения детских переживаний зависели именно от выбранного автором жанра.

В начале войны единственным способом говорить о ней был героический нарратив. Героическая сторона сражений, представленная в жанрах баллады, рассказа, очерка, песни, драматической миниатюры и проч., была в начале войны единственным сложившимся типом батального повествования для детей.⁷ В основе большинства сюжетов — героический поступок ребенка в борьбе с врагами и его гибель. Преимущественно этот нарратив разрабатывался на материале событий Первой мировой и Гражданской войн.

В первые месяцы Великой Отечественной войны та же героическая модель поведения ребенка на войне была реализована во множестве произведений разных жанров. И в каждом случае жанровые особенности определяли приемы изображения детского героизма. Скажем, в приключенческом рассказе дети помогают взрослым, рискуя жизнью, но всегда счастливое стечение обстоятельств обуславливает окончательный успех затеянного детьми предприятия. В рассказе М. А. Булатова «Мальчишечьи трофеи»⁸ юные герои украли заводные ручки у немецких грузовиков — тут же подоспели красноармейцы и разбили растерявшихся врагов. В «Тайне глиняной пещеры» А. П. Шманкевич⁹ ребята спасли красноармейца, спрятав его в пещере, которую когда-то выкопали для игры. Героический нарратив в его авантюрных вариациях воплощался в литературе на протяжении всего изучаемого периода. Например, в апрельском номере «Мурзилки» 1943 года герой одноименного рассказа В. Я. Шишкова Сережа единолично взял двух немцев в плен.¹⁰

и Л. Г. Новикова. М., 2014. С. 328–351; а также: Чудакова М. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941) в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 223–259). Именно поэзия дала возможность говорить о травматичных переживаниях, в прозе те же задачи решались на исходе войны.

⁵ Кукулин И. В. Советская поэзия о Второй мировой войне. С. 329.

⁶ Вне рассмотрения остается детская литература, издававшаяся уже после окончания войны. При этом хочу отметить важную для нашего исследования статью А. Ливини на послевоенном материале: *Livschiz A. Children's Lives after Zoia's Death: Order, Emotions and Heroism in Children's Lives and Literature in the Post-War Soviet Union* // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / Ed. J. Furst. London; New York, 2006. P. 192–208.

⁷ О формировании героического нарратива в русской детской литературе подробнее см.: *Maslinskaya S. A Child Hero: Heroic Biographies in Children's Literature* // *Companion to Soviet Children's Literature and Film*. Leiden; Boston, 2019 (в печати).

⁸ Булатов М. Мальчишечьи трофеи // Мурзилка. 1942. № 7. С. 12–13 (переизд.: Нас много: Сб. рассказов. М.; Л., 1942. С. 3–11).

⁹ Шманкевич А. Тайна глиняной пещеры // Мурзилка. 1942. № 3–4. С. 7–9.

¹⁰ Шишков В. Сережа // Там же. 1943. № 4. С. 4–6.

Другим популярным формульным жанром¹¹ стала баллада — «стихотворный рассказ о страшном или трогательном событии»:¹² «Рассказ танкиста» А. Т. Твардовского (1941), «Баллада о младшем брате» О. Ф. Берггольц (1941), «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным» П. Г. Антокольского (1942), «Сын артиллериста» К. М. Симонова (1942) и др. Жанр баллады позволял, используя фигуру очевидца-рассказчика, поведать «всамделишный случай», типически его обобщить и предложить одобряемую обществом эмоциональную реакцию — возмущение и гнев. В условиях хода войны в первые два года именно стоическая интонация баллад отвечала потребностям пропаганды боевого духа. Баланс между страшным и трогательным в каждой балладе свой, но помещение в центр повествования ребенка (и его героического поступка), конечно, усиливало общую «трогательность» интонации, и в отдельных случаях балладное начало вытеснялось мелодраматизмом городского романа, как это произошло в «Балладе о маленьком разведчике» (1943) М. Рыленкова и в «Десятилетнем человеке» С. Михалкова.

Поэтика баллад военного времени определялась литературными связями с народной балладой, героико-революционной балладой 1920-х годов, а также сюжетно и стилистически схожими балладами 1930-х годов о детях-героях. В многочисленных текстах о героях-мучениках Гражданской войны и коллективизации ребенок-герой — один из многих героев, который встал на место старшего брата, готов к самопожертвованию и сознательно выбирает смерть, стойко претерпевая муки и демонстрируя мужество перед лицом смерти.

Балладный принцип изображения смерти как красивой, как смерти «на миру», распространяется и на малые эпические формы. Характерный пример — рассказ В. Л. Василевской «Мальчик», опубликованный в сборнике 1941 года «Партизаны Великой Отечественной войны советского народа».¹³ Героическая гибель мальчика, подорвавшего себя и шестерых фашистских офицеров гранатой, описана как типичная реакция аффективной природы в ответ на насилие: «Он один из сотен — этот порыв детского сердца, мужество ребенка, который знает, понимает и умеет любить так же горячо, как взрослый человек. И умеет погибнуть так же прекрасно, как взрослый человек».¹⁴ Рецензент А. И. Воскресенская практически цитирует концовку рассказа В. Л. Василевской: «Сотни детей, как и этот мальчик, умеют любить свою родину так же горячо, как и взрослые, умеют погибнуть так же красиво, как взрослые».¹⁵

Прозаические произведения о подвигах детей сначала печатались на страницах детской периодики, и уже к зиме 1941–1942 года С. Гарбузов выпустил сборник «Фронтовые ребята», сделав в предисловии необходимую оговорку: «Теперь еще не время называть моих героев настоящими именами. Они все еще на фронте или близ фронта, а на войне всякое бывает».¹⁶ Эта «конспирологическая» позиция в духе А. П. Гайдара¹⁷ уже через полгода была преодолена в сборнике «В огне Отечественной войны» (1942), где были предложены примеры героических поступков детей, у которых есть реальные имена и фамилии: В. Фин в очерке «Наташенька» повествует о пятнадцатилетней девочке, которая, будучи раненой, сумела привести к своим поезд с боеприпасами; А. Барто в очерке «Гая» рассказывает о двенадцатилетней девочке,

¹¹ См.: *Cawelti J. G. Adventure, mystery and romance: Formula stories as art and popular culture*. Chicago, 1976. P. 5–36.

¹² *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001. С. 219.

¹³ Партизаны Великой Отечественной войны советского народа. М.; Л., 1941. С. 55–59 (под названием «Дети»).

¹⁴ Цит. по переизданию рассказа: *Василевская В.* Мальчик // *Будь героем*. М., 1942. С. 8.

¹⁵ *Воскресенская А.* Детям о войне (Обзор новых книг для младшего школьного возраста) // *Начальная школа*. 1943. № 1. С. 38.

¹⁶ *Гарбузов С.* Фронтовые ребята. [Киров], 1941. С. 3 (подписан к печати 23.12.1941, т. е. вышел в свет в 1942 году).

¹⁷ См.: *Литовская М. А.* «Военная Тайна» как центральное понятие мифопоэтики А. Гайдара // *Дергачевские чтения — 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы VI Всероссийской научной конференции*, Екатеринбург, 2–3 октября 2002 г. Екатеринбург, 2004. С. 295–299.

поднесшей фашистам вместо воды керосин — начавшийся пожар помог наступающим советским войскам; А. А. Исбах в очерке «Сын» и А. Пришелец в стихотворении «Володя» (о Володе Козыреве) представили образцы воинской преемственности: сын заменил отца.¹⁸ В то же время Р. И. Фраерман публикует очерк «Маленький герой»¹⁹ о двенадцатилетнем сыне полка Ване Длусском. Выходившие произведения получали благосклонные отзывы рецензентов, так как «доминирующая тема большинства очерков и рассказов — героизм сегодняшнего дня, мужество и отвага патриотов нашей родины на фронте и в тылу».²⁰

Коммеморация детей-мучеников, осознанно принесших себя в жертву врагам, станет основной в формировании культа Великой Отечественной войны уже после 1945 года. Совсем иначе будет изображаться ребенок — пассивная жертва, подвергшийся насилию со стороны врага и не способный оказать сопротивление. По утверждению А. Ассман, «значение фигуры пассивной жертвы, которую следует четко отличать от героической мученической жертвы, состоит в ее абсолютной пассивности, коннотируемой с невинностью и чистотой».²¹ В этом отношении дети на оккупированных территориях — жертвы *per se*. Как представлен образ ребенка-жертвы в детской литературе военного времени?

В журналах для детей с начала 1941 года публиковались материалы о зверствах фашистов. Так, в журнале «Костер» в июльском номере В. П. Беляев помещает мемуары нескольких беженцев с оккупированных польских территорий под общим названием «Да, это звери».²² Подобные материалы выходят и в составе брошюр, например, в появившейся в сентябре 1941 года книге «Партизаны Великой Отечественной войны советского народа», в которой изображается насилие над жителями оккупированных территорий: «Четырнадцатилетнюю девочку, забравшуюся в ужасе на дерево, унтер-офицер снял выстрелом из пистолета. Несколько детей изверги закололи штыками на глазах у их матерей».²³

Реже можно увидеть изображение эмоционального стресса: С. В. Михалков в «Десятилетнем человеке» показывает мальчишку, который потерял родных и пытается пробиться к своим:

Никто в далекую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел.
Мать? Но она была убита.
Сестра? Она была мертва;
Она лежит с лицом открытым
На дне чудовищного рва.
Соседи? Их осталось мало;
Их с каждой ночью, с каждым днем
Все убывало, убывало...
Они не думали о нем.
Он верил: где-то недалеко,
Быть может, вон за той горой,
Его, как друга, в темный вечер
Задержит русский часовой.

¹⁸ В огне Отечественной войны: Сб. стихов, очерков, рассказов / Сост. Г. Н. Петников. Нальчик, 1942.

¹⁹ Фраерман Р. Маленький герой // Пионер. 1942. № 6. С. 15.

²⁰ Победина Н. Л. Тема Великой Отечественной войны в литературно-художественном материале детских журналов // Начальная школа. 1942. № 9. С. 47.

²¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 49.

²² Беляев В. Да, это звери // Костер. 1941. № 7. С. 38–42.

²³ Ни пытки, ни издевательства фашистских варваров не ослабляют стойкости советских людей // Партизаны Великой Отечественной войны советского народа. М.; Л., 1941. С. 53.

И по щеке его ни разу
 Не проложила путь слеза:
 Должно быть, слишком много сразу
 Увидели его глаза.²⁴

Такая мелодраматическая топка не характерна в целом для поэзии, обращенной к детям, — в 1941–1942 годах, как уже говорилось выше, в поэзии для детей преобладают стоические балладные интонации в духе «Сына артиллериста» К. М. Симонова или «Детского дома в Ельне» С. Я. Маршака. «Десятилетний человек» — практически единственный пример появления тем и настроения городского романа в детской литературе осени 1942 года. Типичен скорее сборник «Советским детям» (декабрь 1941), в котором среди агитационной публицистики А. Н. Толстого, И. Г. Эренбурга, В. Л. Василевской, А. П. Гайдара опубликован выбивающийся из общего мажорно-пропагандистского дискурса очерк Маршака «Там, где побывали враги». В этом очерке нарисована редкая в литературе для детей картина насилия над еврейским ребенком: после пыток фашисты «убили невинное дитя».²⁵

В мартовском номере «Мурзилки» за 1942 год зверства фашистов поданы обобщенно: «Фашистские бандиты, как дикie звери, убивают, мучают и калечат наших советских детей».²⁶ И на той же странице расположено стихотворение Н. П. Найденовой «Галя»:

И теперь глаза у Гали
 Смотрят не по-детски.
 В погребах скрывалась Галя
 От солдат немецких.

И сама видала Галя,
 Как у двух черешен
 Был ее учитель школьный
 Немцами повешен!

Как проклятые бандиты
 В каждый дом врывались,
 Как над старым и над малым
 Дико издевались.

Как народ сгоняли в хаты,
 Заживо сжигали!
 Это все до самой смерти
 Не забудет Галя.²⁷

Пожалуй, это первая за полгода военных действий попытка рассказать о детской травме (заметим, что героиня — девочка), когда в повествование была введена фигура очевидца, столь важная для конструирования памяти о травме.²⁸

При этом в детской литературе переживаемая детьми травма будет изображаться только намеками, через отдельные детали («глаза у Гали смотрят не по-детски»). Дети не говорят о своих переживаниях. В качестве жертвы могут быть показаны совсем маленькие дети, которые не могут ничего рассказать о пережитом не столько потому, что вообще еще не умеют говорить, сколько потому, что перенесли стресс. Таков детдомовский ребенок Светик из рассказа А. Л. Горобовой «Сестренка из Кулина». Бабушка

²⁴ Михалков С. Десятилетний человек // Мурзилка. 1942. № 8–9. С. 2.

²⁵ Маршак С. Там, где побывали враги // Советским детям. М., 1941. С. 26.

²⁶ Мурзилка. 1942. № 3–4. С. 2.

²⁷ Найденова Н. Галя // Там же.

²⁸ Об этом см.: Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 52–57.

с внуком забирают мальчика к себе, внук пытается поиграть с ним, показав игрушечное ружье и имитируя пальбу. Светик начинает горько плакать, бабушка отчитывает внука: «„Совсем ты, верно, глупый, — сердито сказала Игорю бабушка. — Разве этому ребенку можно ружье показывать? Ведь у них немцы стояли“. Но Светик был маленький и ничего про это не мог рассказать. Пока ехали, он только говорил: „Дай. Дай. Дай хлеб, дай молоко“». ²⁹

С весны 1942 года в детской периодической печати и затем в виде сборников выходят документальные очерки о зверствах фашистов. Подобным образом меняется и взрослая публицистика. ³⁰ Если в предыдущий год восьми-десятилетние дети могли быть показаны как равноправные участники боев или сопротивления на оккупированных территориях, то летом 1942 года дети предстают невинными жертвами, неспособными дать отпор врагам. В рассказах детей насилие передается с натуралистической точностью. Так, в июльском номере «Мурзилки» от лица восьмилетней Нади Колотдиновой повествуется о том, как фашисты кидали детей в колодец, выстроив их по росту, как девочке удалось бежать, как красноармеец подобрал ее и определил в детдом. ³¹ Л. А. Кассиль в рассказе «Держись, капитан!» с указанием на точное место, где лечатся дети — жертвы насилия («В Москве, в Рукавской больнице, где находятся дети, изувеченные фашистами, лежит Гриша Филатов»), ³² пишет о мальчике, которому фашисты за отказ выдать партизан отпилили ногу «по-живому».

Многочисленные свидетельства о зверствах врагов собраны в «книге фактов» (сборнике коротких очерков-заметок) М. М. Шкапской под названием «Это было на самом деле» (июль 1942). Повествование изобилует натуралистическими деталями (отмороженные и ампутированные конечности, растерзанные тела, выколотые глаза). Многие очерки сопровождаются указанием на источник информации: «Такое письмо прислал на фронт красноармейцу Хромых его сын Ленья»; «Это рассказала писательнице Лидии Чуковской Таня Айзенберг в детском доме в Ташкенте»; «Это видел Витя Бессонов в Клину»; «Такое сочинение написала ученица 6-й школы города Калинина Клава Чиждова»; «Это видел в Калинин Аля Веселов». Эффект достоверности усиливается замечанием о том, что все дети находятся в одной из московских больниц: «Этих детей вы можете увидеть в Рукавской больнице в Москве». Шкапская, известная в 1910–1920-е годы поэссесса, с одной стороны, стилизовала документальное письмо, с другой — использовала натуралистические и экспрессионистические приемы создания образов травмированных детей. Причем она отдавала приоритет изображению именно телесных страданий и их зримых последствий («нет ножки», «нет пальчиков» и проч.). Эмоциональные переживания детей показаны гораздо более скупой, нежели их физические мучения, и только в поведенческих проявлениях — плач и слезы. Способа говорить с детьми о травме Шкапская не находит. При этом книга была адресована именно детям. Но если у взрослых подобные описания должны были вызвать гнев, возмущение и желание отомстить, то для чего они включались в круг детского чтения? Рецензент, интерпретируя прагматику этого

²⁹ Горобова А. Сестренка из Клина // Мурзилка. 1942. № 3–4. С. 3–4.

³⁰ О пропагандистском повороте весны 1942 года применительно к публицистике, адресованной взрослым, см.: Voronina O. Sons and Daughters of the Regiment. P. 13–33. В статье отмечено, как в центральной периодике увеличивается количество публикаций о насилии над детьми на оккупированных территориях. Добавим, что в 1942 году выходит из печати книга Л. Чуковской «Слово предоставляется детям» (Чуковская Л., Жукова Л. Слово предоставляется детям. М.; Ташкент, 1942), фрагменты из этой книги публиковались на протяжении 1942 года в центральных и профессиональных органах печати, например: Чуковская Л. Глазами детей // Правда. 1942. 25 марта. № 84 (8855). С. 3; Чуковская Л., Жукова Л. Дети обвиняют // Красная новь. 1942. № 5–6. С. 88–102; Чуковская Л., Жукова Л. Никогда не забудем, никогда не простим! Говорят дети убитых и замученных фашистами родителей // Учительская газета. 1942. 6 авг. № 32 (2952). С. 4 и др. Позднее подобного рода материалы публиковались в региональных издательствах — см., например: Глазами детей... Рассказы детей г. Ржева о зверствах немецко-фашистских захватчиков. Калинин, 1944.

³¹ Колотдинова Н. Милые бойцы!: [Письмо в редакцию] // Мурзилка. 1942. № 7. С. 2.

³² Кассиль Л. Держись, капитан! // Кассиль Л. Обыкновенные ребята. М.; Л., 1942.

издания, констатировал только необходимость знания сообщенных Шкапской фактов: «Надо, чтобы все советские дети узнали об этих актах, поэтому-то следует детям рекомендовать для чтения и эту страшную книгу».³³ Но что делать с этим знанием и как его переживать — оставалось неясным.

Во второй половине 1942 года появляется несколько произведений, в которых также детская травма изображена с помощью умолчания. Е. А. Боронина в рассказе «Мальчик из Севастополя»³⁴ изображает ребенка, узнавшего о гибели отца, защитника города. Однако его чувства не названы, эмоциональное состояние не показано. Так же, как не показано горе его матери. Единственное проявление эмоций — акт символического мужества: мальчик вставляет красный флажок, когда-то подаренный отцом, в отцовский портсигар с севастопольской землей, привезенный его боевым товарищем. Такая сила духа приветствуется критикой. Так, В. Виктор в рецензии на сборник рассказов Е. В. Кононенко³⁵ хвалит автора за то, что ее рассказы «воспитывают стойкость и душевную бодрость в тяжелые минуты жизни».³⁶

Острое горе, изображенное в книге Л. Ф. Воронковой «Лихие дни», также не находит словесного выражения. В рецензии, вышедшей вскоре после публикации книги, А. И. Воскресенская пишет: «Живым и простым языком рассказывается в книге о переживаниях детей Маринки и Гани. Сколько горя видели они!»³⁷ Описание страха, точнее, указание на него, в тексте действительно есть: «И понемногу страх, тяжелый, гнетущий страх начал охватывать Маринку»; «в глазах ее снова появился страх, и на душе стало тяжело»; есть и описание того, как один из героев горюет. По вине главного героя Гани фашисты убивают его деда (они обнаруживают гранату, спрятанную мальчиком, чтобы рыбу глушить, и обвиняют деда в помощи партизанам). Эмоциональный стресс, испытываемый Ганей, показан с точки зрения наблюдателей, сочувствующих герою. Ганя плачет и преисполняется чувством деятельной ненависти. За осознанием трагедии приходят чувства, в высокой степени нагруженные социальной ответственностью: вина, стыд, гнев, ненависть. Индивидуальных эмоций (уныние, тоска, сожаление и проч.) в палитре чувств, испытываемых героем, не демонстрируется, они замалчиваются писателем, как не отвечающие прагматике текста — дать пример мужественного скоротечного принятия горя.

На необходимости молчания как единственном допустимом способе проживания травмы настаивает и Л. А. Кассиль в своем рассказе «Отметки Риммы Лебедевой».³⁸ Девочка эвакуируется в Свердловск с линии фронта вместе с мамой. Все предупреждены ее тети о том, что она пережила стресс: ее село бомбили, и она с матерью еле спаслась. Девочка плохо учится, несмотря на поддержку товарищей: «На меня тот случай очень подействовал. Я не в силах нормально учиться. У меня теперь стали нервы».³⁹ Однако, по наблюдению учительницы и одноклассников, плохая успеваемость Риммы связана не с психологической травмой, как убеждает ее сама тетя, а с отсутствием воли и желания. Хитроумный лейтенант Тарасов — раненый, которого ребята навещают в госпитале, — помогает Римме исправиться и начать прилежно учиться, попутно выговаривая ей: «...Бедой и горем долго не хвастаются. Или уже терпят, или помочь горю-бедо стараются, чтобы не стало их».⁴⁰ Этот рецепт — быстро проживать горе, молчать и забываться в работе — дается во всех случаях, когда необходимо принять пережитое. Чуткий к детскому языку, Кассиль, вкладывая в уста главной героини корявую, позаимствованную у взрослых фразу «у меня теперь стали нервы», демонстрирует речевую несамостоятельность героини — у ребенка нет своих слов,

³³ Воскресенская А. Детям о войне. С. 40.

³⁴ Боронина Е. Мальчик из Севастополя // Костер. 1942. № 7–8. С. 2–4.

³⁵ Кононенко Е. Товарищи. Киров, 1942.

³⁶ Виктор В. Детские книги о войне и фашизме // Учительская газета. 1942. 3 июня. № 23 (2943). С. 4.

³⁷ Воскресенская А. Детям о войне. С. 39.

³⁸ Кассиль Л. Отметки Риммы Лебедевой // Мурзилка. 1942. № 8–9. С. 6–7.

³⁹ Там же. С. 6.

⁴⁰ Там же. С. 7.

чтобы описать то, что он переживает, но никто из взрослых и не озабочен тем, чтобы создать условия для появления этих слов.

Кассиль первым предложил и сюжетно закрепил единственный представленный в литературе способ переживания травмы. Публичное горевание недопустимо. Одно за другим появляются художественные произведения о детях, переживших насилие на оккупированных территориях, но другие способы описания травмы не вырабатываются.

В книге Л. В. Веприцкой «Как мы жили при немцах» (конец осени 1942) показана жизнь семьи от вступления в деревню немцев и до прихода Советской Армии.⁴¹ Сюжет закольцован, читатель не видит физической и эмоциональной боли детей. Жизнь детей в оккупации описана в нескольких коротких эпизодах, каждый из них мог бы стать отдельным сюжетом, основанным на свидетельствах, зафиксированных Шкапской: ребенок-найденный, принесенный партизанкой, остается в доме; мальчик убегает к партизанам, его отца расстреливают; фашисты выгоняют семью из дома на мороз; фашист издевается над детьми, заставляя их впрягаться в салазки и возить бидоны с водой, и т. п. При этом название одного из этюдов «Как фашист обидел Женечку» (ребенок кричал, мать не могла его успокоить, обоих выгнали из дома на мороз) переводит модальность описания из гневной в идиллически-спокойную. Драматизма Шкапской в текстах Веприцкой нет.

Все та же Воронкова через год выпускает новую книгу, посвященную ребенку, у которого война отняла семью. Повесть «Девочка из города» выходит отдельным изданием летом 1943 года. Казалось бы, материал — девочка-сирота попадает в приемную семью в момент, когда трагедия еще остро ощущается (девочка видела гибель матери и брата не более одного-двух месяцев назад), — располагает к тому, чтобы показать, как советские люди помогают ребенку справиться со стрессом. Девочка не рассказывает новой семье о том, свидетелем чего она стала, ужасные картины гибели близких она «прокручивает» про себя. Читатель узнает о них через внутренние монологи героини, в то время как персонажи так и не поняли, какую трагедию перенесла Валентинка. Все усилия главы семейства Дарьи направлены на то, чтобы девочка назвала ее мамой. Именно за это она борется, и то, что ребенок в течение двух-трех месяцев к этому не готов, интерпретируется ею как черствость. Мать судачит с соседками в присутствии Валентинки: «Что меня печалит, так это одно: не идет в родню, не ластится. Не зовет меня матерью, никак не зовет. Не хочет! Или уж и вправду, как была чужая, так чужой и останется?»⁴² В итоге воспитательный расчет взрослых на то, что «может, и приживется», срывается, чему способствует сформированное у Валентинки чувство вины, весна, доброе отношение детей Дарьи, внимание деда и молчание о пережитой трагедии.

В ряду произведений, где ребенок так и не смог рассказать о произошедшем, показателен рассказ «Игорек» В. Скряльниковой,⁴³ в котором ребенок обретает своего рода «сурдопереводчика». Герой рассказа хочет убежать на фронт и стать пулеметчиком, чтобы мстить за убитого отца. Мать накануне предполагаемого побега сообщает, что собирается усыновить сироту — его двоюродного трехлетнего брата Алика. Вечером следующего дня Алик «рассказывает» о том, что помнит: «Бомба бух» — только это он и может повторять, потому что еще плохо говорит. На вопрос матери, о чем говорит Алик, Игорек отвечает: «Ах, он так страшно рассказывает. Трамваи в городе сломать, мосты взорвать, фашисты по бегают, а бойцы-пулеметчики их бьют, все бьют... все бьют... Вот послушай, мама. Алик, рассказывай дальше. — Бомба бух... — затаил опять Алик».⁴⁴ В устах Игорька травма Алика обретает связность и образность. Он единственный, кто способен услышать рассказ о впечатлениях мальчика, единственный, кто может помочь сформулировать переживания для него и для себя, опираясь на свои представления о войне. В конечном счете в этой способности взять ответственность

⁴¹ Веприцкая Л. Как мы жили при немцах. М., 1942.

⁴² Воронкова Л. Девочка из города. М., 1943.

⁴³ Скряльникова В. Игорек // Мурзилка. 1943. № 10. С. 6–8.

⁴⁴ Там же. С. 8.

за Алика и разделить с ним боль обнаруживается, что Игорек взрослеет в соприкосновении с чужой болью. Но как будет реабилитироваться Алик в ближайшей перспективе, неизвестно. Сюжет рассказа замкнут на внешнем наблюдателе, так же как и у Воронковой, фокус изображения которой — поведенческая реакция окружающих на детский горе. Оба автора акцентируют внимание на том, что советские люди, и взрослые и дети, отзывчивы к чужой беде: берут в дом, кормят, одевают — такая поведенческая схема выдается за образец и норму.

Мотив усыновления сироты станет сюжетообразующим с середины 1943 года. Если до этого момента сироты войны показаны на пути в детский дом или в нем (М. М. Шкапская, И. Суханов⁴⁵), то теперь в периодике появляются сюжеты о детях, принятых в семью,⁴⁶ и мальчиках-сиротах, присоединившихся к партизанским отрядам или поступивших на службу в боевую часть. С точки зрения типологии персонажей, эти сюжетные вариации едины: дети, потерявшие родных, нуждаются в опеке и обретают ее.

Знаменитая повесть В. П. Катаева «Сын полка» (1944) не была первой в этом ряду. 16 июня 1943 года А. П. Платонов публикует свой рассказ «Маленький солдат».⁴⁷ Характерный для Платонова философский лиризм позволяет ему намекнуть на драматические чувства, переживаемые мальчиком Сережей: «томимый чувством своего детского сердца к покинувшему его человеку»,⁴⁸ он отправляется в неизвестном направлении. За счет глухой, тянущей интонации стилистически этот рассказ выбивается из ряда сюжетно подобных, но бравурно легкомысленных.⁴⁹

В рассказе И. Д. Василенко «Приказ командира» сына полка Гришутку командир отправляет к своей невесте. Гришутка полагает, что едет с боевым заданием, а на поверку оказывается в глубоком тылу — в доме командира.⁵⁰ Герой рассказа Кассиль «Федя из подплава» также определен бойцами в тыл, в школу.⁵¹ Эти и другие попытки разработать сюжет о «сыне полка» увенчались повестью Катаева, получившей в 1945 году Сталинскую премию второй степени.

Впрочем, несмотря на премию, достоверность образов повести, и прежде всего образа главного героя, была подвергнута критике. К повести Катаева, в отличие от ранних приключенческих произведений первого этапа войны, были предъявлены претензии в излишнем «приключенчестве» (побег Вани Солнцева от опытного разведчика Биденко, счастливое спасение во время последнего боя и проч.). Поведение мальчика получает в целом положительную оценку («героизм Вани трогателен своей непосредственностью»⁵²), но одновременно при анализе изображения детских переживаний критики указали на ходульность персонажа — взрослые читатели увидели в попытках автора психологизировать внутренний мир героя лишь сентиментальные приемы создания «чувствительного образа». Критика, прозвучавшая в адрес Кассиля, закрепила приоритет за сложившейся «внеэмоциональностью» изображения детской травмы и повлияла на создание послевоенного типа ребенка-воина.

Широкое обсуждение книги В. Катаева в 1945–1946 годах, как представляется, стало отправной точкой формирования канона изображения ребенка на войне.⁵³ По

⁴⁵ Очерки без названия с указанием авторства «младший воентехник И. Суханов» опубликованы в журнале «Мурзилка» (1943. № 2–3. С. 1).

⁴⁶ В течение 1943 года вышло несколько правительственных документов о процедуре усыновления (см., например: О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей: инструкция СНК РСФСР от 8 апреля 1943 г.; Об усыновлении: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 года).

⁴⁷ Платонов А. Маленький солдат // Красная звезда. 1943. 16 июня. № 140 (5511). С. 3.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Так же как не был понятен критикам и его рассказ «Дед-солдат», который, по мнению Побединой, «не до конца все же правдивый» (Победина Н. Л. Тема Великой Отечественной войны в литературно-художественном материале детских журналов. С. 48).

⁵⁰ Василенко И. Приказ командира // Мурзилка. 1943. № 7–9. С. 7–12.

⁵¹ Кассиль Л. Федя из подплава // Ребятам-тимуровцам. М., 1943. С. 37–61.

⁵² Куприянова Е. Детская тема в творчестве В. Катаева // Звезда. 1945. № 12. С. 134.

⁵³ Назову лишь некоторые дискуссионные статьи: Павлович Н. Книжки для детей // Октябрь. 1945. № 7. С. 146–151; Куприянова Е. Детская тема в творчестве В. Катаева. С. 131–135;

словам Е. Куприяновой, «многим детским писателям не мешает поучиться у В. Катаева широкому и глубокому охвату детским сознанием героя самых существенных явлений и процессов объективной действительности». ⁵⁴ Соцреалистическая нормативная поэтика допускала психологическую достоверность характеров, однако Куприянова говорит о детском сознании, а не о чувствах и переживаниях, оказавшихся за пределами писательского и педагогического интереса.

Можно заметить, что насилие и травматический опыт в детской литературе прошли через те же фильтры, что и во взрослой. Если в первый период войны доминировали балладный, натуралистически-очерковый и авантюрные жанры письма, то начиная с 1943 года и в прозе, и в поэзии преобладает «реалистическая рамка» письма, как ее понимали организаторы литературного процесса и критики. Авторы рецензий на текущую литературу беспокоило прежде всего то, насколько качественно отражается в ней героика военной поры, убедительны ли мотивы героических поступков, способны ли дети-герои дать образцы поведения для читателей, как лучше преподносить эту героическую тематику (техника чтения вслух и т. п.). ⁵⁵ По словам Н. Л. Побединой, хорошо то произведение, которое изображает «чувство большой утраты, вырастающей в жажду мести». ⁵⁶ Само по себе «чувство большой утраты» оказывается обесцененным, лишается голоса, замалчивается и тем самым дискредитируется.

Найденова и Кассиль констатируют, что у изображаемых ими детей «глаза сморщат не по-детски» и «стали нервы», но художественного способа отозваться на травмированное войной «чувство детского сердца» не нашлось, а редкие попытки это сделать были заклеены и пресечены.

В отличие от литературы, адресованной взрослым, которая все-таки предлагала способы артикуляции травмы (порой довольно замысловатые ⁵⁷) и в конечном счете нашла способ говорить о ней («лейтенантская проза»), в детской литературе этого сделать не удалось. Если в литературе для взрослых агитационная прагматика проявлялась неравномерно, а тексты о боли и унынии оставались на периферии литературного процесса, то в детской литературе агитационный дискурс одержал победу. Эта победа не была случайной: детская литература, традиционно понимаемая как инструмент воспитания, и не могла предложить ничего другого, кроме образцов стоического вытеснения травмы. Литература, призванная воспитывать, — заложник своей функции: она свободно рифмуется с военной агитацией (за победу, за борьбу с паникерскими настроениями, за бдительность, за мужество и т. п.), но несовместима с изображением глубинных личностных переживаний.

Только разрушение этого воспитательного базиса детской литературы могло бы дать возможность показывать весь спектр эмоций, переживаемых детьми во время войны, но такие попытки будут предприняты уже в послевоенное время.

Маршак С. О жизни и литературе // Литературная газета. 1945. 2 июня. С. 2; Черный О. «Сын полка» В. Катаева // Знамя. 1945. № 7. С. 155–161; Ивич А. Подросток и книга // Советская книга. 1946. № 3–4. С. 28–38; Бруштейн А. Любимый герой // Литературная газета. 1946. 29 июня. С. 4.

⁵⁴ Куприянова Е. Детская тема в творчестве В. Катаева. С. 135.

⁵⁵ Карпинская Н. Героика в советской детской литературе // Дошкольное воспитание. 1944. № 2. С. 6–9; Воскресенская А. Детям о войне. С. 38–40.

⁵⁶ Победина Н. Л. Тема Великой Отечественной войны в литературно-художественном материале детских журналов. С. 47.

⁵⁷ См. названные статьи И. В. Кукулина и М. О. Чудаковой.